

Сергей Лановой

**Переживи
эту ночь**

Сергей Лановой

Переживи эту ночь

«Издательские решения»

Лановой С.

Переживи эту ночь / С. Лановой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852308-3

Герой рассказу Бу обладает удивительной способностью присваивать то, что понравилось или поразило его в других. И речь идет не о красивой зажигалке или прикольном словечке. Нет, и это объясняет его странную внешность — глаза разного цвета, ноги разного размера, волосы, кожа, черты лица — всё заимствованно. Однажды он знакомится с девушкой по имени Бу, также обладающей странным даром...

ISBN 978-5-44-852308-3

© Лановой С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Переживи эту ночь

Сергей Лановой

© Сергей Лановой, 2017

ISBN 978-5-4485-2308-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Чёрт его знает, как он здесь снова оказался. Он вдруг просто встал посреди своей комнаты, выйдя, как ему померещилось, из-за шкафа, и повертел саднящей шеей в разные стороны в надежде избавиться от некомфортного ощущения в позвонках.

– Подушку надо нормальную, ерунда это – на скатанной шинели спать. Откуда она вообще взялась, шинель эта... И гарью ещё пахнет.

Развернув голову до предела вправо, он дополнил это движение вытянутой в ту же сторону напряжённой дудочкой губ и с удовлетворением почувствовал где-то под челюстью звучно хрустнувший щелчок, разлившийся облегчением по задеревеневшей шее.

– Вот. Так лучше. Но шинель всё-таки убрать. А сейчас... я шёл? Не помню. Не память, а бумажный пакет с дырой. Но ведь шёл же я куда-то, раз сейчас тут стою?!

Он оглянулся по сторонам, надеясь по каким-то признакам освежить цель своего появления посредине комнаты, не увидел ничего подсказывающего и решил вернуться, чтобы начать с самого начала. Однако сразу сообразил, что и это у него не получится, поскольку вспомнил, что понятия не имеет, как сюда попал. Возвращаться за шкаф он не собирался, даже мысли такой не было, без упоминания полнейшей физической невозможности засунуть туда хоть что-нибудь, не говоря о стоящем посреди комнаты мужском теле, которое вдруг поняло, что очень хочет спать. Столкнув лежащую на постели шинель под диван и положив на её место подушку, стоящий в сумерках мужчина быстро разделся и с шумом упал спиной в белую простыню.

Так плохо Бу не спал уже давно. Ночь наваливалась на него потными мыслями, от которых он в полусне отмахивался горячей ладонью. Вокруг летали обрывки фраз и даже целые диалоги, эхом раздающиеся в ушах и уходящие затем в чьи-то не очень опрятные рты. Вся эта странная ерунда крутилась вокруг его лохматой и разноцветной головы, всячески стараясь войти с ним в непонятный для него контакт, от которого Бу сначала лениво отбивался раздражёнными словами: «да пошли вы... чего вам... надоели...», а затем подключил ещё и растопыренную левую пятерню, на которой до этого давно и очень неудобно лежал. В очередной раз нервным движением отогнав какую-то смеющуюся рыжую сволочь, Бу безжизненно уронил почти невидимую в темноте руку мимо края дивана на прохладный пол и застыл в коротком чувстве умиротворения, ощущая тыльной стороной ладони крошки от съеденного ещё вчера утром бутерброда. Вчера он завтракал в постели, равнодушно стряхивая мелкие булочные останки прямо на пол, справедливо полагая, что почему бы и нет. И сейчас он лежал, расплющив по подушке усталое от неопределённости лицо, и легко водил пальцами в разные стороны, отгоняя очередные надоедающие тени и выдувая через губы очередное «да пошли вы... вместе со слюнявым пузырьком». А ещё через несколько минут этой бесполезной жизни пальцы Бу осторожно лизнули чей-то язык.

Бу застыл, остановив болтающуюся руку, и полностью открыл слезящиеся от бессонницы глаза. По его спине разлился такой мороз, что даже пятки, по ощущениям, покрылись снегом, а сердце заколотилось настолько мощно, что Бу пришлось закрыть всё ещё кого-то и куда-то посылающий рот, чтобы не выплюнуть бешено ухающий кусок мяса на подушку. А его пальцы в это время лизнули ещё раз.

Бу жил один. У него не было собаки, кошки или другой живности, чей язык мог бы каким-то манером отреагировать на его руку. У него не было птиц, черепах или морских свинок, по углам не шипели змеи и не царапались в стенки спичечных коробков мощные жуки и экзотические тараканы. В его квартире не было даже зеркала, разбитого не так давно, чтобы не смотреть на жуткую в своей странности физиономию, заслуживающую, возможно, дорогого

шампанского и хмельных девственниц, хотя Бу понимал, что это лишь обычные капризы человека, слегка не вышедшего лицом, если не сказать грубее. Да, он хотел чего-то лучшего, как всякий нормальный мужчина и любая такая же женщина, но по странному стечению обстоятельств не мог позволить себе даже подходящей обуви, поскольку ноги Бу неведомым образом получились разного размера – одна ступня тридцать восьмого, а другая сорок третьего, что принуждало его покупать две обувные пары, а это была дополнительная статья расхода, несколько отдалявшая его от прелестей роскошной жизни среди пальмовых рощ, в шампанском и девичьих телах. Но и это были обычные отговорки. Цена туфель или мокасин не играла роли. Просто он никак не мог привыкнуть к тому, насколько сильно его внешность отличается от тех, кто ходит по улице с открытым лицом, в шортах и майке, обувая летом не резиновые безразмерные сапоги, а обычные плетёные сандалии. Несколько раз, будучи в отвратительном настроении, Бу выходил на прогулку в резиновом костюме химзащиты, презрительно посмеиваясь через запотевающие стёкла противогаза над шарахающимися от него людьми. Но от этого ему становилось только хуже, поэтому одевался он таким странным образом всего три или четыре раза, проклиная затем на чём свет стоит эту дурацкую затею. Бу ненавидел скрываться. Не любил прятать лицо и пеленать тело. И когда он всё-таки выходил в свет, то старался всегда смотреть прямо перед собой, не обращая внимания на следующий за ним шёпот.

Достойное шёпота у него было всё. Волосы, спускающиеся спокойными чернильными прядями с одной стороны, по странной усмешке природы падали непослушными каштановыми локонами с другой, а сзади выбивался рыжеватый клок, про который Бу долгое время даже не знал. Ему рассказала об этом женщина, одна из тех странных существ, что попадали в его жизнь настолько фантастически редко и непонятным образом, что Бу честно не мог вспомнить, откуда они приходили и куда потом девались. Так вот именно одна из них однажды сказала Бу, что сзади у него колосится объёмная и сильная рыжая прядь, похожая на спрятавшуюся в голове безбожную мысль недавно сгоревшего еретика.

Его лицо могло поразить любого художника или поэта, заставляя создавать непонятные простому человеку сюрреалистические сюжеты, поскольку обычные люди считали Бу либо уродом, либо забывшим снять грим чудаковатым артистом. Его высокий лоб мыслителя чистыми висками переходил в монгольские скулы и раздавленный нос воина, под которым, между впалых щёк аскета, откуда-то взялось чудо красивейших в своей пластике губ, всегда сжатых капризно или упрямо, подтверждавших уверенность сильного, но очевидно женского подбородка. Даже глаза Бу светились различным цветом, серебрясь голубовато-серым справа и затягивая в дыру практически угольного левого, который однажды вспыхнул угрюмым красным, когда оказалось, что его левый сорок третий размер перешёл в сорок четвёртый, а это уже вообще чёрт знает что.

Мускулистые сухие руки оканчивались длинными пальцами музыканта, а кожа тела менялась от почти смуглых лица и плеч, опоясывая его грудь розовеющей на солнце светлой полосой, до мраморных разводов на разных по размеру ступнях. Это была внешность человека, которого очень безалаберный создатель торопился сшить из того, что было под руками, и Бу часто сам подолгу разглядывал своё отражение, вглядываясь в разноцветные глаза, пока однажды вечером, без сил понять причину и смысл своего существования, его не скрутила жуткая в своей мрачности депрессия, и он, широко размахнувшись, просто разбил зеркало кулаком. Порезанная рука болела потом недолго, но через несколько ран полностью исчезли, странным образом заменив когда-то матовую тёмную кожу на прозрачную кальку, под которой пульсировали голубые дорожки вен.

Так вот, Бу жил один. И наличие тёплого рта под кроватью, посасывающего сейчас его холодеющие от ужаса пальцы, не укладывалось в представление о чужих губах, искристой

пене на невинных ягодицах и прочей мелочи достойного роскоши человека, живущего не так, как ему хотелось, а лишь как у него получалось, без явной возможности что-либо изменить. А поэтому он лежал на животе, стараясь не дышать, и чувствовал, как пальцы его левой руки тепло полощутся чьим-то заботливым ртом, в то время, как по его спине ручьём стекает противный холодный пот, разливающийся маленьким озером в углублении на пояснице.

Бу пытался думать. Но у него не получалось. Он опять напрягал свою думательную волю, но у него снова ничего не выходило из-за визгливой дрели где-то за ушами, шумно жужжащей между висками и затылком, не пуская в голову ни одну приличную мысль.

Не придумав ничего вразумительного, Бу потянул ладонь на себя. Он сделал это едва заметно, как ему казалось, настолько мягко и осторожно, что даже сам не почувствовал своего движения. Но именно в этот момент тёплые губы, обнимающие его пальцы, сменились крепкой зубной хваткой, агрессивно рассекающей только что ласкаемые сухожилия. Это было так больно, что Бу почувствовал себя летящим по долгому склону, держа в руке мятое цинковое ведро, полное горящего угля, оставляющего в его глазах бесцветную радугу. Кисть свою он уже не чувствовал, но зато очень ошутимо понимал, что вся его рука сантиметр за сантиметром заглывается в какой-то сырой и горячий чулок, после чего в голове Бу с новой силой взорвался огненный шар, сопровождаемый хрустом его собственных ломаемых костей.

Через пару минут Бу пришел в себя оттого, что его плечо дёргалось. Это было похожее на нетерпеливое движение кого-то, находящегося рядом, раздраженного тем, что хозяин плеча слишком медленно двигается. Бу открыл глаза и обнаружил, что почти наполовину свесился с дивана и лежит головой на полу, по которому из открытого окна тянет прохладным ветром. Плечо дернулось снова, и Бу, посмотрев на него скошенным взглядом, с трудом разглядел в сумерках рваные края того места, где недавно была его рука. В голове на разные тона дудела какая-то дурацкая сирена, из-за которой он не мог собраться с мыслями, чтобы хоть что-то понять и, возможно, что-нибудь сделать. Он отдавал себе отчёт, что находится под воздействием шока, хотя не мог сообразить, как обычная бессонная ночь в собственной квартире могла привести к тому, что он лежит щекой на вчерашних булочных крошках, смешанных с редкими кляксами собственной крови, без единой внятной мысли какого чёрта здесь происходит. Бессильно подтянув к порванному плечу свою правую руку, Бу подёргал торчащие в разные стороны кусочки мяса и удивился, что делает это совершенно свободно, почувствовав к себе нечто вроде уважения. «Во это да... могу же, оказывается... если захочу... как, мать вашу, даже не знаю... этот самый... в разведку идти... С кем ему надлежало пойти в разведку, Бу придумать не успел, потянув из разорванного плеча длинную нитку сухожилия, так остро шарахнувшую где-то глубоко внутри его нервы, что Бу застонал протяжно, пугаясь звука собственного голоса: «Жажжааа..аах!!! Да что же это... нехо... аммах! Дрянь!!!»

Почувствовав движение под диваном, он повернул туда лицо, но не увидел ничего, кроме серой полоски противоположного края, в которой был виден низ шкафа и его домашние тапочки, один – сорокового, другой – сорок какого-то размера. На вырост, как говорил себе сам Бу. На всякий случай. Сейчас их разница была такой очевидной, что Бу, понимая всю нелепость происходящего, горько усмехнулся и протянул к ближнему тапку правую руку. Он не отдавал себе отчёта вообще ни в чём, для этого у него в голове было слишком шумно, и Бу просто делал то, что мог, свешиваясь с дивана и оперевшись головой в усыпанный крошками пол. Он не смог бы достать в этом положении свои тапки, они были далеко, но сейчас ему это не приходило в голову, поскольку он лежал щекой на прохладном полу, чувствуя сотрясающий всё тело пульс и липкую лужицу под еле шевелящимися губами. И в тот момент, когда он был уже готов прекратить тянуться и заняться чем-нибудь более продуктивным, его правая рука ткнулась во что-то тёплое и, казалось, жидкое, сразу разлившееся по всей длине от пальцев до напряжённо выпрямленного локтя. С запоздалым отчаянием вытягивая руку назад, Бу даже

не услышал, а именно почувствовал омерзительный треск, отдавшийся вибрацией по всему телу и погасивший все отсветы новой бомбы, яростным взрывом выбивающей из под его век длинные солёные нити.

2

Наряд выглядел на самом деле странно. Одна половина его была сшита, как чёрный костюм, а другая сверху до низу представляла собой довольно вульгарное красное платье с невероятным вырезом сбоку, похожим на след от сабли. Того, кто набрался бы смелости его надеть, проходящие по разные стороны люди воспринимали бы либо солидным испанским идальго, либо разгульной и уверенной в себе девкой, танцующей фламенко. Бу не был испанцем. И умеющей танцевать женщиной он тоже не являлся. Ему просто понравилась сама идея, и он стоял напротив витрины, в деталях рассматривая женское откровенное декольте, искусно переходящее в строгую мужскую чёрную рубашку с такими же по цвету перламутровыми пуговицами. Раздавшийся рядом голос отвлек его от созерцания:

– Вам нравится?

Бу повернулся и увидел молодую девушку со светлыми короткими волосами, разлетающимися вокруг женской головки словно маленькие белые змеи. Помедлив с ответом чуть больше положенного, Бу спохватился и, с трудом отвлекаясь от шевелящихся рептилий, обратил своё внимание на смеющиеся тёмные глаза

– Да... мне... да. Понравилось. А вам? Вы кто?

– Меня зовут Бу. И мне понравилось. Замечательный костюм. Сам себе и жених и невеста. И никаких тебе волнений по поводу первой брачной ночи. Идея просто шикарная!

– Да... – задумчиво пробормотал Бу, не совсем понимая, что его вдруг так обеспокоило. – Да... сам себе... жених и... кто? Как вы сказали, вас зовут?

– Бу. Странное имя, да? Бум! – выкрикнула она резко, вскидывая распыленные пятерни и засмеявшись. – Страшно? Это мне по наследству досталось.

– Ам...

– Вам нехорошо? – девушка заботливо вглядывалась в раскрытые разноцветные глаза Бу и даже, как ему показалось, попробовала приоткрыть его дрожащие веки. – С вами всё в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.